

УДК 81'23

ТРУДНО ИЗВЛЕКАТЬ СМЫСЛ ИЗ ТЕКСТА, ОСОБЕННО ЕСЛИ ЕГО ТАМ НЕТ

О. В. Петрова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются учащающиеся проявления аморфности речемыслительной деятельности, ведущие к деформации коммуникации как процесса передачи и восприятия смыслов. Обосновывается необходимость введения в школьную и вузовские программы курса риторики как науки о механизмах смыслопорождения.

Ключевые слова: смысл, информация, коммуникация, порождение и восприятие смыслов, риторика.

**It is Hard to Find Sense in a Text,
Especially if There Isn't Any There**

Olga V. Petrova

Nizhny Novgorod State Linguistics University, Nizhny Novgorod

The article examines increasing manifestations of amorphous speech-thinking activity leading to the deformation of communication as a process of transmission and perception of meanings. The article substantiates the necessity of introducing rhetoric, as a science about mechanisms of meaning-making, into school and university curricula.

Key words: meaning, information, communication, meaning making, meaning perception, rhetoric.

Вместо введения – несколько скриншотов.

Когда зевота опасна для здоровья

Частое зевание может быть симптомом многих заболеваний, например, вегето-сосудистой дистонии, сердечно-сосудистых заболеваний, хронической гипотонии, аутоиммунных заболеваний и других.

[5]

Предстоящие выходные принесут с собой резкие колебания температур. Ночами столбик термометра будет опускаться ниже 25 градусов, а в дневные часы температура воздуха будет колебаться в пределах 10 градусов мороза.

Столь резкие колебания, которые синоптики называют барической пилой, не могут не отражаться на здоровье метеочувствительных людей.

[3]

Врачи пытались реанимировать актера Андрея Мягкова перед смертью, сообщил 18 февраля телеканал [РЕН ТВ](#).

[1]

Мы все привыкли к несуразным и бессмысленным заголовкам. Предполагается, что чем заголовок бессмысленнее, тем больше вероятность того, что, увидев его, человек захочет посмотреть, что же это значит. И задержится у экрана телевизора, откроет соответствующую страничку в интернете или купит газету, на первой полосе которой красуется этот заголовок. Некоторые слова-приманки уже стали привычными. Вряд ли кто-то сегодня ждет сенсации от сообщения, содержащего слово «раскрыто». Многие уже не только привыкли к тому, что за этим стоит обычная информация, которая никогда и не скрывалась, но и сами употребляют глагол «раскрыть» в значении «рассказать», «сообщить»: *Гидрометцентр раскрыл, когда наступит весна.*

Но в последнее время все чаще стали появляться заголовки, бессмысленность которых никак нельзя объяснить стремлением заинтриговать, привлечь внимание читателя. Они бессмысленны просто по своей сути. Так, например, в интернете появилось сразу несколько сообщений на тему о зевоте. И если сам по себе заголовок в ленте новостей еще может выполнять функцию приманки, то уже внутри статьи заголовки разделов явно этой функции не выполняют. Прочитав то, что следует за первым («Почему мы зеваем?»), читатель действительно узнает о механизмах зевоты. И когда дальше в той же статье он видит раздел, озаглавленный «Когда зевать вредно?» (или в другой статье — «Почему зевать опасно?»), он вправе предположить, что ему сейчас расскажут о том, когда и почему зевота может причинить ему вред. Но, конечно же, ничего подобного в статье нет, да и быть не может. Автор только что рассказал, что зевать полезно. На самом деле речь идет о том, что зевота может быть признаком какого-то неблагополучия, симптомом какого-то заболевания. Она не опасна. Она может сигнализировать об опасности. Так откуда же берутся такие заголовки?

Наблюдения за тем, как пишутся всевозможные сообщения, как люди общаются, приводят к очень тревожному выводу. Мы все меньше и меньше заботимся о четком выражении мысли, все меньше и меньше вникаем в смысл сказанного или написанного. Заголовки не соответствуют смыслу текста, вопросы часто не соответствуют тому, о чем человека в действительности хотят спросить, ответы никак не соотносятся с вопросом.

Женщину, садящуюся за руль только что откопанного из сугроба автомобиля, спрашивают: «Сколько Вам потребовалось времени, чтобы откопать свою машину?». Ответ: «Сколько времени? Я одна, руки замерзли». И ведь не скажешь, что она не расслышала вопроса: она его даже повторила. Но из всей ситуации она восприняла только, что ее спрашивают о последствиях снегопада именно для нее. А она устала, ей обидно, что никто ей не помог, да и руки замерзли. Вот и ответила на то, что за этим вопросом услышала. Можно ли сказать, что акт коммуникации состоялся? А ведь такая «коммуникация» происходит все чаще и чаще.

Преподаватели сетуют на то, что студенты не умеют извлекать информацию из прочитанного, что они не могут выполнить предельно четко сформулированную инструкцию. Больше того, получив какую-то инструкцию или рекомендацию, они иногда делают все прямо наоборот. И отнюдь не из чувства протеста. Если на консультации перед экзаменом студент спрашивает, правильно ли он понимает какое-то положение, а преподаватель говорит, что неправильно, и объясняет, как в действительности обстоит дело, а назавтра на экзамене слышит то самое изложение вопроса, про которое он говорил, что оно неверно, то это явно не протест: ведь студенту нужна хорошая оценка. Что произошло? Он задал вопрос, ему ответили. И в ответе звучали знакомые ему слова (скажем, термины). Осмысления же ответа не произошло. Он не заметил разницы между тем, что сказал он сам, а что — преподаватель. Акт коммуникации не состоялся.

Все чаще и чаще приходится констатировать, что в самых разных областях жизни говорящий и слушающий (или пишущий и читающий) не просто не понимают друг друга, не только этого не замечают, но и не стремятся к подлинной коммуникации. И если в большинстве случаев это еще не полная дискommunikация, то во всяком случае своего рода квазикommunikация. Говорящий сплошь и рядом имеет в виду не совсем то, что он говорит. Чаще всего за конкретными словами кроется некая общая, достаточно аморфная мысль. Так, если корреспондент говорит, что какой-то штраф *подняли вдвое, с 20 до 200 тысяч*, то вряд ли его можно заподозрить в том, что он не знает арифметики и не может ни 20 умножить на 2, ни 200 разделить на 20. Просто «вдвое» в данном случае у него означает «значительно», «намного». Когда на сайте «Комсомольской правды» появляется предупреждение о предстоящих резких колебаниях температур, а затем следует фраза «*Столь резкие колебания, которые синоптики называют барической пилой, не могут не отражаться на здоровье метеочувствительных людей*», можно, конечно, удивиться тому, что написавший ее журналист, судя по всему, не знает, что такое «барический».

Вроде бы, должен знать: ведь и в школе что-то про **изобары** должен был слышать, да и что **барометр** — это прибор для измерения не температуры, а давления, тоже, наверное, знает. Но можно и не удивляться. Он в это даже не вдумывается. Когда он услышал словосочетание «барическая пила», у него в сознании зафиксировалось только то, что это *какие-то* перепады *чего-то* и что на графике это похоже на зубья пилы. А о чем именно идет речь, уже не важно. Есть общая идея. Этого достаточно. А теперь спросим себя: сколько человек обратило внимание на эту нелепость? Боюсь, что не так уж и много. Общая идея понятна (она и без этой «пилы» была бы понятна), и этого достаточно. Каково сообщение, таково и восприятие. Нас уже приучили так читать и слушать.

Что хочет сказать журналист, написавший, что *«врачи пытались реанимировать актера ... перед смертью»*? По-видимому, что врачи оказывали экстренную помощь, используя методы интенсивной терапии. Автор сам понял, что у него получилось? А зачем? Общая идея ведь и так ясна. Вот и идет общение на уровне «общей идеи». Часто ни говорящего, ни слушающего не интересует, *что именно* сказано. Достаточно восприятия на уровне *«о чем сказано»*. Зевота иногда должна беспокоить, женщине было трудно откапывать машину, штрафы значительно увеличились, что-то там будет не так с температурой, актера пытались спасти...

Мы уже привыкли к такой аморфной подаче информации. Мы скользим глазами по текстам, задерживаясь на ключевых словах, по которым определяем общую тему и оцениваем степень нужности или ненужности этой информации.

Когда речь идет о переводах (особенно о студенческих переводах), мы объясняем получающийся у переводчика бессмысленный текст его склонностью к буквализму, сознательным или неосознанным стремлением «точно» воспроизвести текст оригинала. Но почему же самого переводчика не смущают получающиеся у него бессмысленные нагромождения слов? Что значит *«асфальт перехода, протянутый через ров»*? Что «протянуто» через ров? Асфальт? Переход? Неважно: есть ров, есть переход, есть асфальт. Этого достаточно. Как можно *«находиться под натиском нескончаемого потока»*? А какая разница? Что-то там как бы давит, и этого давящего много. Что имеет в виду переводчик, написавший, что *«COVID-19 изменяет мир незначительно, и в то же время основательно»*? Так незначительно или основательно? Неважно. Всяко меняет, в общем, — что еще нужно?

Значения отдельных слов не воспринимаются вообще: в городе *«встречаются великолепные музеи»*. «Все, что происходит на другом конце Земли, не всегда возможно *утаить* там» (речь идет о том, что эпидемия,

начавшаяся в каком-то одном месте, может распространиться по миру и превратиться в пандемию). «На данный момент один из самых величественных вулканов мира *потерял свой былой шарм*». Переводчик понимает, что из-за смога туристу не удастся полюбоваться Везувием. В оригинале прямо сказано, что он его попросту не увидит. Но какая разница, как это сказать? Понятно же, что с Везувием там как-то нехорошо. Что еще нужно? Что такое «*взаимосвязанный мир*»? Что с чем взаимно связано? А все и со всем — что еще нужно?

Слова постепенно теряют смысл, понятия размываются. Весьма показательным в этом отношении является распределение материалов по (якобы) тематическим рубрикам на лентах новостей. Так, например, Google Новости помещают всю информацию, связанную с миром компьютерных игр, в раздел «Наука и техника», даже если речь идет об отношении геймеров к сюжетной стороне игры. А рубрика «Развлечения» регулярно открывается сообщениями о смерти какого-нибудь актера и описанием его похорон. И опять все очень просто объясняется: для тех, кто распределяет материал, ни слово «развлечение», ни слово «наука» не имеют значения. Раз что-то (в данном случае игры) связано с компьютером и компьютерными технологиями, значит, это что-то из области науки и техники. Если это сообщение о смерти актера, значит, это про театр и кино. А театр и кино — это развлечения. Никому даже в голову не приходит, как цинично это выглядит: сообщение о смерти человека в рубрике «Развлечения». Никто же в смысл не вникает!

За всеми этими нелепыми, а иногда и смешными ситуациями квазикоммуникации стоит серьезная проблема, масштаба которой мы, похоже, еще не осознаем. Разрушается складывавшаяся веками система общения как процесса обмена информацией, процесса передачи и восприятия смыслов. При том огромном объеме информации, которую человек сегодня получает практически непрерывно, в большинстве случаев этот процесс оказывается односторонним. Мы смотрим (sic!) информацию в интернете, мы пишем сообщения и далеко не всегда отвечаем на полученные или ограничиваемся смайликом, мы можем прервать любое общение одним нажатием кнопки. Если в прежние времена не только живое общение, но и чтение было персонифицированным (автор текста мне что-то сообщает, а я это воспринимаю), то в наши дни сплошь и рядом ни у полученного нами сообщения, ни у сообщения на ленте новостей нет автора. Не в том смысле, что он не указан, а в том, что читаемый нами текст сгенерирован автоматически. Нам его присылает некий безликий, виртуальный «no-reply» источник. Он не знает о нашем существовании, мы знаем, что он как личность не существует. Но мы стали необыкновенно зависимыми от

всевозможной информации. И не случайно социологи бьют тревогу по поводу того, что, собравшись вместе, подростки (да уже и не только подростки) проводят время, уткнувшись в свои смартфоны. Им приятно физическое присутствие друзей (слово, значение которого сегодня тоже «виртуализировалось»), но потребности в живом общении нет.

Определив элементарный акт мышления как перевод, а элементарный механизм перевода как диалог, Ю.М. Лотман в качестве одного из обязательных условий самой возможности диалога называет взаимную заинтересованность участников ситуации в сообщении. При этом участники диалога попеременно переходят с позиции «передачи» на позицию «приема» [4, с. 268]. Иными словами, один должен хотеть что-то кому-то сообщить, а другой должен хотеть это воспринять и как-то на это отреагировать. Но наблюдения показывают, что во многих случаях отсутствует не только желание вступить в диалог, но и умение это сделать. Отсутствует коммуникативная компетенция, нет необходимого для этого умения четко формулировать мысль.

Преподаватели перевода постоянно сетуют на то, что студенты катастрофически мало читают, и на то, что, даже читая, не умеют извлекать из текста смысл. И в один голос твердят студентам, что им совершенно необходимо как можно больше читать. Необходимо для того, чтобы стать профессионалами. Но тут возникает вопрос: а что нужно читать будущему переводчику, чтобы и кругозор расширять, и смысл извлекать, и хорошему языку учиться? Классику? Да, конечно. Но не может же сегодняшней переводчик говорить и писать языком Толстого или Тургенева! Ему нужны образцы хорошего современного стиля, хороших осмысленных современных текстов. Как можно извлекать смысл из текста, в который он изначально не был заложен, потому что он не сформировался в сознании пишущего? Такой текст можно только механически воспроизводить – что студенты и делают. Порой так и хочется сказать: только не читайте того, что сегодня пишется в интернете, в СМИ, да и в большинстве современных книжек. Это вам точно не поможет.

Получается замкнутый круг: чтобы научиться думать, понимать и переводить, нужно читать. Но того, что нам предлагает наша информационная среда, лучше не читать.

В действительности выход из этого круга есть. Но для этого необходимо осознать остроту и важность проблемы и системно подойти к ее решению. Необходимо возродить и сделать обязательным и в школе, и в вузе преподавание риторики. Не только и не столько как искусства «красиво говорить» (что тоже, разумеется, важно), но главным образом как механизма

смыслопорождения [4, с. 177]. Риторика в понимании тех ученых, которых относят к числу разработчиков современной теории аргументации, когнитивной лингвистики и теории речевого воздействия [2].

Специалисты настойчиво говорят о том, что в сегодняшнем так называемом информационном обществе риторика как наука о *целесообразной* речи приобретает первостепенное значение. Так, Л.К. Салиева считает риторическую компетенцию базовой целью образования в нашу эпоху, которую она называет эпохой информационной диктатуры. По ее мнению, «современная риторика является центральным компонентом «общества знания», поскольку дает картину современной информационной среды, раскрывает законы речевых коммуникаций, диалога и монолога, вооружает индивида способностью воспринимать и создавать речь» [6, с. 93]. И нельзя не согласиться с выводом автора о том, что «в информационную эпоху риторическое / коммуникативное знание является центральным в структуре общества, основанного на знаниях, поскольку обеспечивает эффективность речевых коммуникаций и воспитание компетентной личности. Соответствующее место оно должно занять и в структуре учебных планов как среднего, так и высшего образования» [6, с. 96].

И школьников, и студентов необходимо учить структурировать информацию, соотносить смыслы с речью, оформлять мысль. Нужно не в теории, а на практике учить извлекать смысл из текста — из слов, из внутритекстовых связей, из грамматических форм, из композиции, характера построения текста. Учить внутриязыковому переводу, умению осознанно выбирать способ выражения мысли, пониманию того, как изменение формы сказывается на точности выражения этой мысли. Этому должны быть посвящены специальные курсы с достаточным количеством практических занятий.

Судя по тому, как все описанные тревожные симптомы нарастают, болезнь квазикоммуникации прогрессирует очень быстро. И пассивное наблюдение за тем, как все более аморфной становится речемыслительная деятельность, действительно может обернуться коммуникативной катастрофой. Нужно переходить от сетований к делу. И понимать, что, прежде чем извлекать смысл из текста, нужно его туда закладывать. И тому, и другому нужно методично и терпеливо учить.

Список литературы

1. Врачи пытались реанимировать Мягкова в течение часа. Известия 18 февраля 2021, 12:27. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1126445/2021-02-18/vrachi-pytalis->

reanimirovat-miagkova-v-techenie-chasa?utm_medium=referral&utm_source=lentainform&utm_campaign (дата обращения 22.02.2021).

2. Иванов Л. Риторика / Энциклопедия Кругосвет. [Электронный ресурс]. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/RITORIKA.html (дата обращения 22.02.2021).

3. Кардиолог посоветовала, как уберечь здоровье во время барической пилы. ЗДОРОВЬЕ. 18 февраля 2021 16:17. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/online/news/4193415/> (дата обращения 22.02.2021).

4. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб: Искусство, 2000. 704 с.

5. Почему люди зевают, когда зевота опасна для здоровья и как с ней бороться. ЗОЖ. 12 февраля 2021, пятница, 19:35. [Электронный ресурс]. URL: <https://sport24.ru/news/zozh/2021-02-12-pochemu-lyudi-zevayut-pochemu-zevaniye-zarazno-prichiny-zevoty-vred-i-opasnost-zevaniya-kak-poborot-zevotu> (дата обращения 22.02.2021).

6. Салиева Л.К. Риторическая компетентность как базовая цель образования в эпоху информационной диктатуры // Alma mater. Вестник высшей школы. 2017. № 8. С. 93–96.